

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

Yu.A. Sorokin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ И ЕГО ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНАЯ
СПЕЦИФИКА
INTERPERSONAL COMMUNICATION AND ITS ETHNOCULTURAL
SPECIFICITY**

Ключевые слова: межличностное общение, этнокультурная специфика, открытые классы состояний, коммуниканты

Keywords: interpersonal communication, ethnocultural specificity, open class of conditions, communicants

В статье рассматривается этнокультурная специфика межличностного общения как аффективно-чувственный комплекс.

This article deals with the ethnocultural specificity of interpersonal communication as affective-sensual complex.

1. Несколько предварительных замечаний. Во-первых, межличностное общение, как правило, амбивалентно: оно и конфликтно, и бесконфликтно, балансируя между ролевыми соглашениями и нарушением их. Вследствие этого – и это, во-вторых, – ему присуща определенная аффективно-чувственная температура. Я не называю ее эмоциональной/эмотивной, ибо считаю такое определение указывающим на расплывчатый класс явлений, тогда как чувства и аффекты вполне «исчисляемы» носителями языка. В-третьих, чувства и аффекты, переживаемые/представляемые вербально, не являются копиями аффектов и чувств, переживаемых реально: описание их с помощью естественного языка неизбежно оказывается неполным/редуцированным (и сукцессивно статичным?).

2. Хотя еще в незапамятные времена говорили, что «... гнев безрассуден, пуст и легкомыслен. От безрассудства **рождается** огорчение, от огорчения раздражение, от раздражения гнев, от гнева же неистовство» (ранние отцы церкви, 1988: 192), эти предупреждения, учитывая **СОЗНАТЕЛЬНЫМ**, разбивались о сопротивление **БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО**.

3. Естественно, что в художественной литературе соотнесение **КОНТРОЛИРУЕМОГО – НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО**, соотнесение аффективно-чувственных состояний является основным приемом увеличения ее иллюзорной убедительности/аттрактивности. И, как правило, эти состояния соседствуют

друг с другом: «Она села и с презрительной улыбкой смотрела на него, ожидая, пока выйдет камердинер. – Это еще что? Что вы наделали, я вас спрашиваю? – сказала она строго. <...> Пьер тяжело повернулся на диване, открыл рот, но не мог ответить. – Что вы доказали этой дуэлью? То, что вы дурак, Que vous êtes sot; так это все знали. <...> – Гм... гм... – мычал Пьер, морщась, не глядя на нее и не шевелясь ни одним членом. – И почему вы могли поверить, что он мой любовник? ... <...> Не говорите со мной ... умоляю, – хрипло прошептал Пьер. <...> Пьер хотел что-то сказать, взглянул на нее странными глазами, которых выражение она не поняла, и опять лег. Он физически страдал в эту минуту: грудь его стесняло, и он не мог дышать <...> – Нам лучше расстаться, – проговорил он прерывисто. – Расстаться, извольте, только ежели вы дадите мне состояние, – сказала Элен... <...> Пьер вскочил с дивана и, шатаясь, бросился к ней. – Я тебя убью! – закричал он и, схватив со стола мраморную доску, с неизвестной еще ему силой, сделал шаг к ней и замахнулся на нее. Лицо Элен сделалось страшно: она взвизгнула и отскочила от него. Порода отца сказалась в нем. Пьер почувствовал увлечение и прелесть бешенства. Он бросил доску, разбил ее и, с раскрытыми руками подступал к ней, закричал: «Вон!» таким страшным голосом, что во всем доме с ужасом услышали этот крик» (Толстой, 1934: 343-344).

Еще сложнее представлены аффективно-чувственные состояния у Ф.М. Достоевского (в «Идиоте»): «Все утверждали, что с этого-то мгновения Настасья Филипповна и помешалась. Она продолжала сидеть и некоторое время оглядывала всех странным, удивленным каким-то взглядом, как бы и не понимая и силясь сообразить. Потом она вдруг обратилась к князю и, грозно нахмутив брови, пристально его разглядывала; но это было на мгновение; может быть, ей вдруг показалось, что все это шутка, насмешка... Она задумалась, потом опять улыбнулась, как бы не осознавая ясно чему... – Значит, в самом деле княгиня! – прошептала она про себя как бы насмешливо и, взглянув на Дарью Алексеевну, засмеялась. <...> Сам Рогожин стоял и глядел, искривив лицо в неподвижную, недоумевающую улыбку. <...> Настасья Филипповна заметила и захохотала. <...> Опоздал, Рогожин! Убирай свою пачку, я за князя замуж выхожу и сама богаче тебя! Но Рогожин постиг, в чем дело. Невыразимое страдание отпечатлелось на лице его. Он всплеснул руками, и стон вырвался из его груди. <...> Князь заметил тоже из угла сверкающий взгляд Гани, которым тот как бы хотел испепелить его. <...> Да что ты, что ты, матушка! Подлинно припадки находят: с ума, что ли, сошла? – вскинулась испуганная Дарья Алексеевна. – А ты и впрямь думал? – хохоча, вскочила с дивана Настасья Филипповна... <...> Что же ты, Рогожин? Собирайся, едем! – Едем – заревел Рогожин, чуть не в исступлении радости, – ей вы... кругом... вина! Ух! <...> Да что ты орешь-то! – хохотала на него Настасья Филипповна... <...> Да что ты плачешь-то? <...> А ты смейся, по-моему... – продолжала Настасья Филипповна, у которой у самой засверкали две крупные слезы на

щеках. <...> Ганя, во фраке, со шляпой в руке и с перчатками, стоял перед нею молча и безответно, скрестив руки и смотря на огонь. Безумная улыбка бродила на его бледном как платок лице. <...> Эй, сгорят, тебя же застыдят, – кричала ему Настасья Филипповна, – ведь повесишься, я не шучу. <...> Сам Рогожин весь обратился в один неподвижный взгляд. Он оторваться не мог от Настасьи Филипповны, он упивался, он был на седьмом небе. Вот это королева! – повторял он поминутно ...» (Достоевский, 1957: 192, 193, 195, 196, 197, 199, 200).

Этот аффективно-чувственный комплекс весьма затруднительно разложить на ведущие и производные состояния (см. в связи с этим: Виллюнас, 1990: 92-105), как и всякий художественный *суггестив*, в принципе неразложимый на отдельные составляющие. Но можно, очевидно, говорить о наличии *фасадных* и *нефасадных* состояний, в которых находятся те или иные персонажи. И особенно важно фасадное состояние основного действующего лица – Настасьи Филипповны. По-видимому, для нее характерен истерический симптокомплекс, о котором Э. Блейлер пишет следующее: «В области чисто психологической отметим сначала постоянные симптомы ...: неустойчивость аффектов, капризные смены настроения, моментальные реакции во всех отношениях с чрезмерными взрывами аффектов во всевозможных направлениях ... Взрывы аффектов носят, большею частью, театральный характер; получается впечатление, что настоящая сила аффекта не соответствует затраченным крикам и слезам. <...> Половая сфера у истеричных еще менее поддается определению, чем у других людей. Мы видим все крайности, особенно среди истеричек мы наблюдаем у многих *coitus frigidus* или даже отрицательное отношение, между тем психически они могут быть очень впечатлительными в половом отношении. <...> Прелюдией к всевозможным истерическим сумеречным состояниям часто является изменение настроения, продолжающееся часами; сами же состояния тянутся минуты и даже дни ... Обычно после них остается полная амнезия. <...> ... нежелательное забывается в сумеречном состоянии или представляется ... как бы несуществующим, а желательное осуществляется в галлюцинациях. <...> С моральной стороны их характер может быть дурным или хорошим, так же как у других людей и, наряду с ужасными эгоистами мы встречаем среди истеричных, людей, способных на высокое самопожертвование; хотя характер их аффективности до некоторой степени препятствует альтруизму. <...> Наиболее существенным в истерическом складе является сильная, с большим размахом, но очень неустойчивая аффективность» (Bleuler, 1993: 419, 420, 422, 429, 430).

Не менее показательны и следующие фрагменты из книги А. Лоуэна «Язык тела»: «Ранее я относил истерический характер к ригидному типу структур. Теперь можно уточнить, что он к тому же и бронированный тип структуры. Понятие брони было введено Райхом для разъяснения состояния, в котором возбуждение «связывается» защитным механизмом, имеющим определенную оберегающую цель, которая, с одной стороны, служит «защитой

от раздражителей внешнего мира, а с другой – не выпускает наружу внутренние либидозные устремления». <...> Отличительной чертой истерического характера является ... сексуальная покорность, скрывающая агрессию. Модель поведения может быть следующей: заигрывание, сопротивление и подчинение. <...> Я еще не встречал истерического характера, в котором эти черты (гордость и решимость – Ю.С.) отсутствовали, а выраженная гордость к тому же не была бы ключом к самому характеру. <...> Для истерического характера гордость, можно сказать, естественна, но она негибкая и ограниченная. <...> ... что касается рассуждений о гордости и истерии, то стоит все же упомянуть несколько женских образов из романов Достоевского. Сразу же приходят на память Настасья Филипповна из «Идиота», Лизавета Николаевна из «Бесов» и Катерина Ивановна из «Братьев Карамазовых». <...> Фригидность, то есть полное отсутствие какого-либо полового чувства, – чисто истерическая проблема. Ее можно назвать симптомом наоборот или проявлением истерической бесчувственности, или паралича» (Лоуэн, 1997: 249, 256, 259-260, 261, 267).

4. Такое аффективно-чувственное состояние вряд ли следует квалифицировать в качестве этноспецифического наряду с тем, которое описывает Л.Н. Толстой или Э.М. Ремарк в «Трех товарищах»: «– Брось трепаться и отдавай остаток, – сказал я. Швейцар нанес удар мгновенно, уклониться, сидя за рулем, было невозможно, я даже не успел прикрыться рукой и стукнулся головой о рулевое колесо. Потом в оцепенении выпрямлялся. Голова гудела, как барабан, из носа текла кровь. <...> Я смотрел на него, не шевелясь, уставившись в это широкое, здоровое лицо. Я пожирал его глазами, видел, куда надо бить, бешенство сковало меня, словно лед. Я сидел неподвижно, видел его лицо слишком близко, слишком отчетливо, как сквозь увеличительное стекло, каждый волосок щетины, красную обветренную, пористую кожу ... <...> Мы подъехали. <...> Швейцар, вы не можете разменять? <...> Отдай остаток, грязная собака! – рявкнул я. На секунду он онемел. <...> Он размахнулся. Этот удар мог бы лишить меня сознания. Но я был начеку. Повернувшись, я пригнулся, и кулак налетел со всего маху на острую стальную цапфу пусковой ручки, которую я незаметно держал в левой руке. Вскрикнув, швейцар отскочил назад и затряс рукой. Он шипел, от боли, как паровая машина, и стоял во весь рост, без всякого прикрытия. <...> – Узнаешь? – глухо прорычал я и ударил его в живот. <...> При счете «пять» швейцар поднялся, точно стеклянный. Как и раньше, я видел перед собой его лицо, опять это здоровое, широкое, глупое, подлое лицо: я видел его всего, здорового, сильного парня, свинью, у которой не будут больны легкие; и вдруг я почувствовал, как красноватый дым застилает мне мозг и глаза, я кинулся на него и принялся его избивать» (Ремарк, 1960: 252, 253, 254).

Все эти аффективно-чувственные состояния, по-видимому, универсальны. Специфична лишь их реализация, а, точнее, фокусы внимания, в которые

попадают те или иные ментальные или нементальные составляющие этих состояний как точек фиксации, в которых учитывается 1) преимущественно Я-микросостояние или 2) преимущественно микросостояние антагонистов, а также 3) характер чтения соматологических и паралингвистических карт или 4) набор действий и степень их жесткости (мягкости).

Различия в вышеприведенных автохонных и неавтохонных художественных коммуникатах заключаются, очевидно, и в мере допустимости тех или иных аффективно-чувственных состояний, и в количественном их преобладании в соответствующих лингвокультуральных общностях. Именно эти различия следует рассматривать как валидные/базовые и позволяющие достаточно точно отличать один художественный идиолект от другого.

Иными словами, об аффективно-чувственной температуре можно судить по набору используемых в той или иной лингвокультуральной общности (тем или иным автором) параэмотивных средств (см. в связи с этим: Покровская, 1998: 7-8), или эмономов (см. в связи с этим: Перфильева, 2001: 4-5), указывающих/намекающих на их реальную манифестацию: «... для эмоций триады враждебности эксплицитно в английском языке чаще всего описываются эмоциональные кинемы глаз (74,2%) и лица (53,3%), а также эмоциональные просодемы (69,2%); в русском языке конкретное обозначение испытываемой эмоции чаще всего используется при описании эмоциональных кинем глаз (74,5%), а также эмоциональных просодем (50,9%) ... <...> ... мимический стереотип гнева ... в русскоязычных текстах представлен более детально, чем в англоязычных. Мимический стереотип гнева в англоязычной культуре представлен дескрипцией следующих признаков: покраснение (иногда резкое побледнение) лица, «горящие» глаза, нахмуренные брови, сжатые губы и зубы. В русскоязычной культуре, кроме указанных, присутствует дескрипция таких признаков, как расширение ноздрей, сморщивание кожи лица, контурирование передних краев жевательных мышц, набухание височных и лобных подкожных вен" (Покровская, 1998: 8-9). Следовательно, можно полагать, что именно сопоставление своих и чужих аффективно-чувственных признаков и выявление сходств и различий между ними и указывает на высокую или низкую температуру, характерную для тех или иных художественных коммуникатов и, тем самым, для тех или иных этнокультурных организмов.

5. По-видимому, различия между этими организмами следует рассматривать как различия в их аппетентном поведении (поведении, ориентированном на поиск выхода из состояния тревожности/беспокойства/дискомфортности; см. Лоренц, 1994: 59-60), свидетельствующие, в свою очередь, о степени «мягкости» или «жесткости» (деструктивности) поступков, характерных для своего и чужого межличностного общения. Говоря иначе, эти различия целесообразно рассматривать в качестве *апосемативов* (предупреждений; см. по этому

поводу: Лоренц, 1994: 35), указывающих на модусы аффективно-чувственного взрыва.

6. Этот взрыв можно квалифицировать как агрессию, ибо «агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Бэрон, Ричардсон, 1997: 24). Этот взрыв провоцируется средовыми ментальными стрессорами (о стрессорах см.: Бэрон, Ричардсон, 1997: 174-187), специфика которых является диагностирующей: по их «списку» можно судить о причинах возникновения аффективно-чувственных комплексов и о способах их вербального и невербального опредмечивания.

7. Художественные коммуникаты можно рассматривать как совокупность аффективно-чувственных комплексов, но комплексов особого рода. Их, пожалуй, допустимо квалифицировать в качестве переориентированных (о переориентированном действии см.: Лоренц, 1994: 173), воздействующих не прямо, а косвенно, не точно, а со смещением в ту или иную сторону мишени нашего Я, что позволяет переживать их несколько отчужденно/дистанционно, но все-таки заинтересованно: игра на чужом поле – это, тем не менее, познавательно-катарсическая игра.

8. Аффективно-чувственные комплексы суть открытые классы состояний (именно они специфичны в этнокультурном отношении), а эмоции – скрытый класс состояний (см. в связи с этим: Кретов, 1992: 104), – указывающие на неопределенные/расплывчатые образы и поступки, которым отказано в праве их существования как единичностей.

Список литературы

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 1997. – 170 с.
2. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: МГУ, 1990. – 288 с.
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. – М.: Наука, 1957, т. 6. – 689 с.
4. Кретов А.А. Съедобное – несъедобное или криптоклассы существительных // *Linguistica Silesiana*, 1992. – С. 104 - 114.
5. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М.: Прогресс, 1994. – 272 с.
6. Лоуэн А. Язык тела. – СПб.: Смысл, 1997. – 159 с.
7. Перфильева С.Ю. Теоретико-экспериментальное исследование слов-названий эмоций и их функционирование: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.
8. Покровская Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо-русских художественных текстов): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 25 с.
9. Ранние отцы церкви. Антология. – Брюссель: Русский формат, 1998. – 271 с.

10. Ремарк Э.М. Три товарища. – Ашхабад: туркменское государственное издательство, 1960. – 344 с.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. – Л.: Академия, 1934, тт. 1-2.
12. Bleuler E. Руководство по психиатрии. – М.: Наука, 1993. – 544 с.

References

1. Baron R., Richardson D. Aggression. – St. Peter, 1997. – 170 p.
2. Vilyunas V.K. Psychological mechanisms of human motivation. – Moscow: Moscow State University, 1990. – 288 p.
3. Dostoevsky F.M. Works. – Moscow: Nauka, 1957, Vol 6. – 689 p.
4. Kretov A.A. Edible-inedible or kriptoklasses of nouns // Linguistica Silesiana, 1992. – p. 104-114.
5. Lorenz K. Aggression (so-called "evil"). – Moscow: Progress Publishers, 1994. – 272 p.
6. Lowen A. Body Language. – St. Petersburg.: Meaning, 1997. – 159 p.
7. Perfilieva S.Y. Theoretical and experimental study of word names of emotions and their functioning: Abstract dis. ... Cand. Phil. Sciences. – Moscow, 2001. – 24 p.
8. Pokrovskaya Y.A. Reflected in the language of aggressive states in man (based on the Anglo-Russian literary texts): Abstract dis. ... Cand. Phil. Sciences. – Volgograd, 1998. – 25 p.
9. The early church fathers. Anthology. – Brussels: Russian Format, 1998. – 271 p.
10. Remarque E.M. Three Comrades. – Ashgabat, the Turkmen State Publishing House, 1960. – 344 p.
11. Tolstoy l. N. War and Peace. – L.: Academy, 1934, vol. 1-2.
12. Bleuler E. Manual of Psychiatry. – Moscow: Nauka, 1993. – 544 p.

(0,4 п.л.)